

ченной области славянского словообразования, где до недавнего времени были возможны споры насчет того, был ли в славянском суффиксе **-r-* Во всяком случае сейчас едва ли уместны категорические утверждения о том, что индоевропейский не знал суффикса *-r-* или почти не знал суффикса *-k-* и т. д. Индоевропейское словообразование — относительно новая и еще недостаточно развитая область науки (если не иметь в виду успехи главным образом в области теории индоевропейского корня), и это нужно постоянно помнить.

Если перейти к более частным вопросам, то нам кажется, что нельзя смешивать доиндоевропейскую лексику на *-r-* и вторичную продуктивность *-r-* в романском словообразовании. Лингвистическая география последнего явления не имеет ничего общего с доиндоевропейским субстратом. Само понятие дороманского субстрата получает, кроме того, в свете исследований последнего времени дополнительную сложность, так как становится очевидным, что отождествлять дороманский и доиндоевропейский можно не всегда, ср. гипотезу о доиталийском индоевропейском субстрате, а также из числа примеров на *-r-* у самого Хубшида: дороманское лат. *tal-pa* 'крот' с корнем, родственным лат. *tellus* 'земля' (этимология Бергольди, см. стр. 14 рецензируемой книги). Сомнительность отнесения к пласту субстратного *-r-* очевидна для многих слов. Греч. *vōr-ōf*, *oīv-ōf* содержат, вероятно, *-ōt-* < **okw* 'глаз', вид, ср. слав. *sir-okъ*, *vys-okъ*, а также приводимое далее самим Хубшидом лат. *anti-quus* < **anti-ekwō- : okw-* 'глаз' (стр. 84). Названия вроде иллирийского *Boúrd-ōp̄es* могут отражать сложения с вариантом и.-е. **ar-/ipr-* 'вода', как было замечено другими исследователями.

Мы заключим критические замечания словами самого автора: «Одни совпадения суффиксов еще не доказывают родства всех языков, в которых могут быть раскрыты те же самые суффиксы» (стр. 82). Это следует помнить всем энтузиастам испано-кавказской гипотезы. Автор много и серьезно работает над дороманскими субстратами. Его знание материала и трудолюбие очевидны. Поэтому дальнейшие его разыскания в области средиземноморских субстратов, в частности направленные на выявление связей между Западным и Восточным Средиземноморьем (стр. 90), вызывают живейший интерес.

O. N. Трубачев

«Szótörténeti és szófejtő tanulmányok», szerkesztette Pais D. és Benkő L. (=«Nyelvtudományi értekezések», 38. sz.). Budapest, 1963, 223 стр.

Сборник «Исследования по истории и этимологии слов», изданный Издательством Академии наук Венгрии под редакцией видных специалистов по венгерскому языку Д. Пайжа и Л. Бенко, целиком посвящен венгерской этимологии. Известны выдающиеся заслуги венгерского языкоznания в разработке этимологии прежде всего финно-угорских, уральских и алтайских языков. Силами современных венгерских языковедов старшего и младшего поколений в настоящее время ведется активная работа по подготовке нового этимологического словаря венгерского языка. Ученые разной специализации деятельно разрабатывают отдельные крупные пласти венгерской лексики однородного происхождения — исключительно финно-угорского, тюркского, славянского (ср., например, труд И. Книжи «Славянские заимствования в венгерском языке», 1-я и 2-я части 1-го тома. Будапешт, 1955), продолжая тем самым лучшие традиции венгерского языкоznания, воплощением которых может служить классический труд З. Гомбоца о булгарско-турецких заимствованиях венгерского языка

(см. т.). Глубокое своеобразие и — не в последнюю очередь — труднодоступность венгерского языка, порождающие почти неизбежно вакуум сил в этой области мировой лингвистики, имели своим следствием то, что венгерский языковед любой специализации почти обязательно обращался на каком-то этапе своей научной деятельности к исследованию своего родного языка. Для некоторых ученых, в прошлом — славистов, романистов и т. д., эта вторая специальность со временем становится основной; в качестве примера здесь могут быть названы имена Я. Мелиха, Г. Барци. Оба они, кстати сказать, работали над созданием этимологических словарей венгерского языка (в основном в довоенное время).

Интересующий нас сборник по истории и этимологии слов также несет на себе отпечаток этих специфических особенностей венгерской лингвистической науки. В него входят статьи финноугроведов Лако, Кальмана, Кароя, тюрколога Немета, славистов Книежи, Киша, Урхеди и др. Все эти ученые выступают со статьями по лексике венгерского языка, реже — других родственных финно-угорских языков. Диапазон привлекаемой лексики и соответственно этимологии весьма широк. Здесь и числительные, и местоимения, и полнозначные слова, среди последних — древнейшая исконная финно-угорская лексика и заимствования разного времени. Этимолога-слависта может заинтересовать статья И. Книежи о венг. *bálya* 'старший брат', этимология которого представляет значительные трудности в связи с возможностью трех точек зрения на его происхождение: 1) исконное финно-угорское; 2) заимствованное из славянских языков; 3) слово «детского языка». Серию заметок по этимологии и истории поздних заимствований публикует венгерский славист и русист Л. Киш. Среди прочих слов он занимается названием, которое в равной мере должно интересовать этимолога-русиста, — это довольно недавно проникшее в венгерский язык, как и в другие языки, и ставшее международным название ткани из синтетического волокна англ. *nylon* [ˈnai-lən] 'нейлон'. Это слово служит поучительным примером того, что степень забвения этимологических связей не обязательно стоит в прямой зависимости от возраста слова. Новые заимствования — это далеко не всегда слова с бесспорным происхождением и прозрачной этимологией. Этимологические исследования новых заимствований и вообще новых слов ведутся недостаточно интенсивно. Достаточно сказать, что слово *nylon* явилось обозначением реалии, изобретенной американским химиком Уоллесом Хьюмом Кэрзером в 1932 г. К настоящему времени известно по крайней мере полдюжины этимологий слова *nylon*: 1) из сокращения слов *New York London*; 2) аббревиатура из начальных букв фразы *Now you lousy old Nippone sel* 'Смотрите, вы, винные япошки!' (намек якобы на конкуренцию с японским шелком); 3) сокращение из слов *New York Pylon* в связи будто бы с тем, что впервые нейлон был представлен на нью-йоркской выставке, символом которой была статуя Свободы; 4) сокращение из начала слова *nitrogen* и особого словоэлемента *-lon*; 5) слово совершенно произвольного образования; 6) сложение из конца слова *vinyle* 'виши' и слова *cotton* 'хлопчатобумажная ткань'. Минуя анекдотические подробности отдельных толкований, мы вместе с Л. Кишем выделим наиболее достоверные факты, в частности определенную продуктивность словоэлемента *-(l)on*, который, помимо *nylon*, лег в основу слов *perlon*, *orlon*, *karlon* и ряда других. Их число продолжает увеличиваться, ср. *Dederon*, производимый в ГДР (*DDR*).

О. Н. Трубачев